Глава 455: Дева Юэ

После завершения деления добычи, нет, деления мечей, у Чжэсю более не было энергии или интереса в общении с ними, и он вновь закрыл глаза. Чэнь Чаншэн вновь измерил его пульс, убеждаясь, что его состояние улучшалось. Он немного расслабился, а затем осознал, что, как казалось, в меридианах была новая проблема. Ритм Приливного порыва крови казался гораздо более медленным, чем ранее. Был ли это дурной знак, что истинная эссенция Чжэсю была на грани истощения? Чэнь Чаншэн не смел думать об этой возможности. Он сделал лампу более тусклой, вернул гору мечей в ножны, а затем указал Тангу Тридцать Шесть и Сюаньюань По, что они должны последовать за ним из библиотеки.

«Никаких проблем, верно?» - спросил Танг Тридцать Шесть.

Чэнь Чаншэн не ответил на вопрос напрямую, вместо этого спрашивая: «Чжоу Тун, что же он за человек?»

Этим утром, покинув офис Департамента для Очищения Чиновников и увидев плачевное состояние Чжэсю в повозке, он уже тайно принял решение. Однако, он также мог отчетливо вспомнить психическое давление и ужасающее чувство, которое давало багряное одеяние Чжоу Туна, пока он стоял среди снежной мантии лепестков яблонь в том маленьком дворе. Он действительно хотел знать, сколько еще ему придется ждать, прежде чем он сможет лицом к лицу столкнуться с этим ужасом.

«Чжоу Тун соврал, у него нет старшей сестры».

Вэньшуй Танги в обед отправили отчет об этом.

Танг Тридцать Шесть продолжил: «К тому же, он и Императрица не встретились перед поместьем какого-то принца, а встретились в Саду Сотни Трав. Тогда он все еще должен был быть на стадии Медитации, но позже его культивация очень быстро росла, и он преуспел в достижении Конденсации Звезд. Говорят, что это произошло потому, что когда он подчинился указу Императрицы совершить набег и уничтожить владения тех принцев, он тайно получил много сокровищ».

«И Божественную Императрицу не беспокоило это?» - Чэнь Чаншэн, естественно, знал, что Божественная Императрица определенно знала об этом деле, поэтому и сказал ‘не беспокоило’.

Танг Тридцать Шесть покачал головой, а затем сказал: «Наиболее могущественная техника Чжоу Туна называется Великой Багровой Мантией. Такая ментальная атака, как говорят, может силой проникнуть в море сознания культиватора».

Чэнь Чаншэн и Сюаньюань По вспомнили то море крови, которое видели в маленьком дворе, и их тела вновь похолодели. Танг Тридцать Шесть продолжил: «С помощью Великой Багровой Мантии Чжоу Тун очень просто может сокрушить наши моря сознания. Конечно же, он не будет делать этого, но если мы соберемся сейчас мстить за Чжэсю, мы определенно получим ее пробу».

Это было как напоминание, так и предупреждение.

Чэнь Чаншэн был поставлен в тупик: «Так как он не смеет убивать нас, почему он использовал свою Великую Багряную Мантию в том маленьком дворе? Чтобы установить доминирование?»

«Чжоу Тун - жестокий и коварный человек, его способность плести интриги впечатляет. Для него нелогично делать что-то настолько бессмысленное».

Танг Тридцать Шесть тоже не мог понять, почему. Вдруг его прямые брови подпрыгнули: «В то время мне показалось, что он хотел расшатать наши сердца Дао тем морем крови, чтобы увидеть что-то».

«Что он хотел увидеть? - прокомментировал Сюаньюань По, - в любом случае, я не боюсь. У меня нет никаких секретов».

Чэнь Чаншэн затих, потому что у него было много секретов.

По правде говоря, когда он прибыл в столицу из Деревни Синин, у него лишь был секрет его тела, но с течением времени его секреты лишь росли в количестве. Они сейчас включали Монолиты Небесных Томов в Саду Чжоу, обсидиановый гроб в Мавзолее Чжоу, Стиль Разделяющего Клинка, записанный на стене гроба, и... что Сад Чжоу мог быть не уничтожен, и путь в Сад Чжоу был внутри его ножен.

Вернувшись в свое жилище, он принял ванну, чтобы успокоить свое тело, а затем начал успокаивать свой разум.

Он подошел к окну и взглянул вверх на океан звезд в ночном небе. Он скрестил ноги, чтобы сесть на пол, закрыл свои глаза и начал медитировать. Он начал делать свое ночное задание - направлять звездный свет для Очищения, а затем вновь пытаясь использовать ту иллюзию черного монолита, чтобы найти путь к Саду Чжоу.

Но, возможно потому, что он слишком привык культивировать в библиотеке, или из-за того, что психологическая атака, от которой он пострадал в Тюрьме Чжоу, была слишком могущественной, он нашел себя в редкой ситуации, когда он медленно стабилизировал свой разум.

Вскоре после этого его нос почувствовал невероятно легкий и безмятежный аромат. Лишь тогда он осознал, что не мог успокоить свой разум не из-за этих причин, а потому, что у него был посетитель.

Мо Юй вылетела из темного леса Ортодоксальной Академии, воспарив прямо к его окну, а потом внутрь.

Под звездным светом ее красота казалась незапятнанной миром смертных.

Она совершила каждое из этих действий, как будто они были особенно знакомыми для нее, как будто она повторяла их бесчисленное количество раз.

Только вот она не могла представить, что этой ночью Чэнь Чаншэн будет сидеть скрестив ноги на полу за кроватью. Как результат, когда он влетела через окно в здание, она приземлилась прямо перед Чэнь Чаншэном.

Они были невероятно близко друг к другу, их носы практически коснулись, а глаза смотрели в глаза.

Эта сцена была довольно странной.

К счастью, от Мо Юй пахло орхидеями, тогда как Чэнь Чаншэн был чистым, как свежее небо

после дождя. Это не было настолько плохо, что кто-то из них разозлился бы.

С мягким порывом ветра прядь черных волос пролетела и коснулась лица Чэнь Чаншэна. Это было немного щекотно, из-за чего он наморщил лоб.

Мо Юй взлетела на кровать, ее действия были невероятно умелыми, как будто она совершала это действие бесчисленное количество раз ранее.

Чэнь Чаншэн знал о ее эксцентричности, но до этого момента все еще не мог понять ее. Конечно же, он еще меньше мог принять это.

«Вы не планируете вновь спать на моей кровати, верно?» - спросил он.

«Это нехорошо? В любом случае, ты даже не на кровати в этот момент».

Мо Юй казалась смелой и уверенной, но под светом звезд можно было разглядеть, что она немного покраснела.

Чэнь Чаншэн беспомощно сказал: «Но сейчас я здесь, так почему вы по прежнему пришли?»

Мо Юй ответила: «Ты обычно культивируешь в библиотеке. Я не знала, что сегодня у тебя возникнет какая-то странная идея в голове, и ты так быстро вернешься».

Чэнь Чаншэн чувствовал себя очень невинным, думая про себя: ‘обвиняешь меня, ло?’

Затем он вновь подумал о Лоло, о том, что у него недавно не было много возможностей увидеть Лоло, и тем более поговорить с ней. Его настроение стало довольно разочарованным по какой-то причине.

Мо Юй увидела его выражение лица и спросила: «Что-то не так?»

«Ранения Чжэсю слишком тяжелые, и он приходит в себя в библиотеке. Я не хотел беспокоить его, так что вернулся рано».

Мо Юй посмотрела на него, а затем вдруг сморщила лоб: «Я ожидала, что ты будешь очень зол сейчас».

По правде говоря, она и Чэнь Чаншэн встречались довольно мало раз. Их нельзя было считать знакомыми. Во время до выхода Чэнь Чаншэна из Мавзолея Книг разница в статусе между ними была слишком большой. Однако, по какой-то причине, неизвестной ей, с того мгновения, как они встретились в Имперском Дворце, она осознала, что Чэнь Чаншэн был человеком, который легко провоцировал ее гнев. Злость в действительности была одной из эмоций, и это указывало на то, что Чэнь Чаншэн мог легко задевать ее эмоции.

Это было что-то, что она не могла понять.

Она еще меньше могла понять, как Чэнь Чаншэн, шестнадцатилетний юноша, мог демонстрировать такой контроль над своими эмоциями.

Чэнь Чаншэн не ответил ей.

Сегодняшнее столкновение в Тюрьме Чжоу и ужасное состояние Чжэсю, которое было обнаружено позже, вызвали проблемы с его эмоциями. Но когда он был мал, он узнал очень простой принцип от Старшего товарища Юй Жэня. Позже, в городе Сюньян, он еще более ясно

познал этот принцип. Были кое-какие дела, которые можно было удерживать в сердце. Не было необходимости демонстрировать их, лишь действовать. Импульс и страсть никогда не были синонимами, а быть хладнокровным никоим образом не значило быть трусом. Даже когда все в мире считали его трусом, его не беспокоило это, не говоря уже о том факте, что человеком, который говорил, была Мо Юй.

Он и Мо Юй не были друзьями. Он очень хорошо понимал, насколько ужасающей была эта известная красавица Династии Великой Чжоу, особенно после сегодня.

Весь континент знал, что Мо Юй и Чжоу Тун были двумя людьми, на которых Божественная Императрица полагалась больше всего. Чжоу Тун был ужасающим, так как она могла уступать ему.

«Не должен ли ты сказать ‘давно не виделись’?» - спросила Мо Юй.

При более внимательном рассмотрении можно было убедиться в том, что после заключения Великого Испытания они никогда не встречались.

Но Чэнь Чаншэн не верил, что была необходимость в этой фразе, потому что он изначально никогда не хотел встречать ее. Просто она всегда появлялась перед ним.

Чэнь Чаншэн не ответил ни на один из ее двух последовательных вопросов, из-за чего настроение Мо Юй стало довольно кислым. Она сузила глаза, пока они не стали острыми... как листья ивы снаружи стен дворца, очень приятными для глаз.

«Ты очень враждебно настроен ко мне», - сказала она.

Чэнь Чаншэн ответил: «Вы должны очень хорошо понимать текущую ситуацию в столице».

Мо Юй засмеялась, сказав с признаком презрения: «Ты думаешь, что действительно достоин того, чтобы Императрица считала тебя врагом?»

Чэнь Чаншэн возразил: «Даже если бы я был достоин, я бы не хотел стать врагом Императрицы, но совершенно очевидно, что люди на вашей стороне не думают подобным образом».

Это, естественно, говорило о новом правиле Боевой Демонстрации Всех Школ, подавлении Ортодоксальной Академии кланом Тяньхай и новой фракцией Ортодоксии.

Улыбка Мо Юй исчезла и она сказала: «То, что думают другие люди, и то, как ты действуешь, никак не связано друг с другом».

Чэнь Чаншэн сказал: «Я пришел в столицу, думая лишь о культивации и учебе. Я даже никогда не думал об участии в этих больших делах, но вы думаете, что я могу избежать этого?»

Голос Мо Юй стал немного холодным: «Почему ты не можешь избежать этого? Потому что ты - единственный наследник старой школы Ортодоксии?»

Это, естественно, было достаточной причиной, потому что для человека было невозможно отвергать собственного учителя, школу, и годы их прошлого. Это было равносильно отвержению самого себя. Но это абсолютно точно не было полной причиной, потому что в прошлом Чэнь Чаншэн больше всего беспокоился о быстрой культивации, бросании вызова небесам и изменению судьбы, но позже он осознал, что не мог избежать мыслей о том, могут

ли меридианы Лоло быть открыты, может ли правая рука Сюаньюань По быть вылечена, может ли быть вылечен Приливной порыв крови Чжэсю, когда Танг Тридцать Шесть наконец-то получит имя, которым будет доволен, и еще важнее... останутся ли врата Ортодоксальной Академии в хорошем состоянии.

Он не забыл слова, которые Архиепископ Мэй Лиша оставил ему перед своей смертью.

Кроме преследования того, что человек хотел и должен получить, не должно ли понятие, называемое взрослением, состоять в накоплении ответственностей одна на другую?

Мо Юй встала и посмотрела на него сверху вниз. Она заявила с безразличным лицом: «Императрицу никогда нельзя победить».

Она сейчас вернулась к своей ежедневной роли могущественной личности, которая могла через страх заставить сотню чиновников замолчать. Ее отношение не произвело никаких изменений в Чэнь Чаншэне. Он думал о штормовом городе Сюньян, думал о тех словах, которые Ван По заявил после того, как появились Чжу Ло и Гуань Синкэ: «...я хочу попытаться».

Для него, естественно, было невозможно победить Божественную Императрицу, так что даже не было необходимости попытаться.

Он просто хотел попытаться, просто хотел увидеть, сможет ли он и Ортодоксальная Академия сдержать эту бушующую волну.

У Мо Юй вдруг исчезло настроение общаться. Она начала выбираться из здания. Конечно же, она все еще использовала окно, как переднюю дверь.

Когда она проходила мимо, Чэнь Чаншэн вдруг подумал о возможности. Он неуверенно спросил: «Может ли быть, что пока я был в Мавзолее Книг и Саду Чжоу, вы всегда спали в моей кровати?»

Несколько озлобленная и пристыженная Мо Юй выкрикнула: «И что с этого?»

Чэнь Чаншэн почувствовал себя очень беспомощным. У него не было силы решить это дело, но должно быть известно, что хоть он и был молодым, он все же был мужчиной. Было невозможным спорить в этом с кем-либо, и он не был ровней Мо Юй.

«Тогда... - он замер на некоторое время, наконец-то сказав, - убедитесь, что не забудете усердно мыться в будущем. Лучше всего, если вы будете принимать ванну перед каждым приходом».

В тот миг, когда он сказал это, он знал, что это было неуместным, потому что это звучало слишком возмутительно.

Как и ожидалось, тонкие брови Мо Юй подпрыгнули в злости, а ее прекрасное лицо стало похожим на лицо дьявола. Она спросила фригидным голосом: «Ты хочешь умереть?»

Чэнь Чаншэн знал, что не должен был говорить это, и повторял: «Простите, простите».

Лицо Мо Юй стало немного более мягким. Она спросила: «Если извинений будет достаточно, то сможешь ли ты в будущем не убивать Чжоу Туна?»

Чэнь Чаншэн очень искренне сказал: «Конечно же нет».

Мо Юй сказала: «Как говорится, слова всегда хуже подарков при выражении искренности».

Чэнь Чаншэн был лишен дара речи. Он подумал про себя: ‘Учитывая ваш статус в Великой Чжоу, кроме такого парня, как Танг Тридцать Шесть, кто посмеет сказать, что он богаче вас? Что я могу дать вам?’

«Я слышала, что у тебя здесь есть Меч Девы Юэ?»

Мо Юй сладко улыбнулась ему: «Не думаешь ли ты, что это совпадение? Когда я была маленькой, Императрица как раз научила меня этому стилю меча».

http://tl.rulate.ru/book/1222/120340